

198078

Р.

Г. М. Василевич

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ЭВЕНКОВ (ТУНГУСОВ)

«Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», — говорил М. Горький на съезде писателей 17 августа 1934 г. Эти слова имеют особое значение для народностей, не имеющих своей письменной истории, и в частности для эвенков.

Эвенкийский фольклор¹ отразил представления, выработавшиеся в течение многих веков, зафиксировал и события из жизни, оставившие наиболее сильные впечатления. Рассказы о событиях, передаваясь из поколения в поколение, обрастали фантастикой и элементами, ставшими традиционными; зачастую на них наслаивались близкие по содержанию сюжеты иноязычных соседей. Отделяя все поэтическое, фантастическое, а также традиционное и заимствованное, можно дойти до событий, лежащих в основу современных *нимнгаканов*.

К одному из таких моментов истории можно отнести разного рода взаимодействия с племенами, имевшие место в отдаленные периоды существования эвенков.

Память о племенах, с которыми древние тунгусы имели связи, зафиксирована в фольклоре различно: 1) в виде названия людей — племена; например: чангит, чулугды, нюрингды, манги, чури и др.; 2) в виде названия родовых групп, которые к настоящему времени уже исчезли; например: Хуладал, Вокроил, Дукаил и др.; 3) как названия действующих лиц; например Керендэ, Тарганэй, Мучунэй и др.; 4) как слова, которыми начинается прямая речь героя: Кимо, Килдыни, Чурукани, Вакува и др., и наконец память о древних племенах прослеживается на топонимах и именах героев сказаний иноязычных соседей,

¹ Г. М. Василевич. «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору». Ленинград, 1936.

например хребет Натай (Катанский район) и имя героя сказаний одной группы коряков — Натаймэ. Я рассмотрю только некоторые из этих этнонимов, представляющие наибольший интерес.

Племя *чангит*. Тема о чангитах отмечается в фольклоре всех эвенков. Основное отличие их от эвенков — каннибализм, поэтому в ряде вариантов синонимами чангит бывают: *девушки, денты* — «поедающий», *илэты, бэеты* — «людоед», *дентыгир* — «из рода людоедов».

В значительной части вариантов чангиты нападают на эвенков, отсюда — вторая группа синонимов: *булэсэл, токур* (враги). Но в некоторых вариантах их называют *мата* — тем же словом, которым эвенки называют своих в разговоре между собою. Чангиты иногда имеют такие же названия родов, как и у эвенков: Лонгурел (П. Тунгуска), Курогир (Н. Тунгуска), Дукай, Нгангигир (Олекма — Тунгир).

В большинстве вариантов чангиты ведут такой же образ жизни, как и эвенки, но в некоторых — отмечается отсутствие лука: «луков у них нет», «у них были только стрелы, ими били птиц и зверей» (Н. Тунгуска). В позднейших вариантах они кочуют с оленями. Отношение эвенков к чангитам такое же, как и к другим эвенкийским родам. Эвенки мстят им за увод женщин и убийство. Нападая на них, предупреждают, ибо «не предупредить — грех» (Н. Тунгуска), но иногда нападают на них и неожиданно. Иногда эвенки и чангиты съезжаются на одно стойбище и обмениваются женщинами (П. и Н. Тунгуска). Среди чангитов бывают и эвенки. Это захваченные и выросшие у чангитов дети (Н. Тунгуска, В. Ангара, Тунгир).

В рассказах можно выделить три основных сюжета: 1) нападение чангитов, 2) увод чангитами женщин во время отсутствия мужей, 3) обмен девушками с последующим приготовлением эвенкийки к жертвоприношению.

Рассказывают и отдельные эпизоды: а) чангит прячется среди кочек, женщина случайно обнаруживает его; б) чангиты побивают эвенка-мальчика за то, что на облавной охоте его стрела не попала в лося, гасят огонь; в) эвенки случайно встречаются с чангитами; узнав о людоедстве, эвенки разными способами стараются уйти от них. В рассказе, записанном от забайкальских эвенков, чангиты связаны с определенной территорией: до прихода русских они жили в Якутии, у них были ядовитые стрелы, и они вытеснили тунгусов с верховьев Амура. Память о чангитах настолько жива, что эвенки верят в существование их и в наше время¹.

¹ Во время моих поездок в разные районы с 1925 по 1936 г. мною записаны рассказы о чангитах как о существующих людях, а также наблюдались случаи, когда стойбище неожиданно откочевывало, так как к нему якобы очью подходили чангиты.

Этимология слова «чангит» не ясна; имеются некоторые попытки выяснить его значение по данным говоров¹.

Рассматривать его, мне кажется, следует как древнейший этноним *чан* в сочетании с суффиксами *-гин*, выражающим отношение к роду, и *-т* — древним оформителем этнонимов, выражавшим одновременно множественность². Этноним *чан* || *джан* самостоятельно или как компонент этнонима широко распространен на территории Евразии, встречается и в Америке³. Но в форме *чангин* ∞ *чангит* мы встречаем его у эвенков; у чукчей и коряков *таньгыт* (мн. ч.), *таньгытан* (ед. ч.) — «иноплеменник», «враг». Так называли чукчи коряков и, наоборот, коряки — чукчей (Богораз, Стебницкий), а на Енисее в языке коттов *чангхит* — «гость», и в языке селькупов *чанг* — «враг» (позже татарин). Среди алтайцев имеется род Тангды (Каруновская).

Существование племен *джан* || *чан* ∞ *тан* на территории Сибири оставило следы в многочисленных топонимах — названиях рек и озер (системы Оби, Енисея и Лены), особо в системе Енисея. Этот факт и наличие слова «чангит» в эвенкийском, эвенском, чукотском, корякском, юкагирском, а на западе в коттском и селькупском фольклорах позволяет высказывать предположение, что древнейшие племена *дян* || *чан*, существовавшие до начала формирования языков алтайской системы, в период, когда в последних уже оформилось указание отношения к роду (суфф. *-гин* || *ган*), стали называться *чангин*, *чангит*. Племя чангитов имело связи как с древними тунгусами, так и с коттами и предками северо-восточных палеоазиатов, которые в то время жили на территории, примыкающей к Енисею⁴. Данные фольклора и существующие представления о них указывают на вхождение их в состав эвенков.

Племя *чулугды*. Тема о чулугды распространена в фольклоре всех эвенков. Образ чулугды весьма сложен. Можно выделить два образа: первый — общий для всех эвенков и второй, существующий параллельно с первым на территории к западу от линии Лена — Витим — Амур. Общий образ имеет два варианта: западный, более ранний, распространенный на указанной

¹ Например эвенки Бурят-Монголии, в говорах которых конечный *т* перед гласным *и* палатализируется, переходя в *ч*, слово *чангичил* (мн. ч.) пытались произнести от слова *чанг* «лук», *чи* «иметь», *л* (мн. ч.), т. е. — «луки имеющие». Сообщено Е. П. Лебедевой. Но от них же мною записаны варианты, в которых ед. ч. — *чангит*.

² См. подробнее о суффиксе *-гин* мою статью «Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенских родов». «Советская этнография», 1946, № 4.

³ См. подробнее мою работу «Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы». Труды Института этнографии. Новая серия, № 1, стр. 209—211.

⁴ См. мою статью «К вопросу о древних палеоазиатах в Сибири», в «Кратких сообщениях Института этнографии».

территории, и восточный, сложившийся позднее и распространенный на восток от указанной линии.

Характерной особенностью общего образа является половинчатость.

Западный вариант рисует *чулугды* как соседей *нюрэгды* — жителей «нижней земли», куда последние «ныряют» (Сым). «Они одноруки, одноноги, ходят сцепившись руками, тела их покрыты волосами». Они живут на берегах рек и озер и питаются только рыбой, а зиму спят (Н. Тунгуска). Самый ранний вариант, записанный в XVII в. от кежемских (ангарских) эвенков¹, говорит о чулугдеях, как о людях «об одной руке, об одной ноге, об одном глазе, а на которой де стороне глаза нет и та де сторона, лицо и бок весь черен, как уголь, а другая де сторона и бок как у человека...». Живут они в ямах, «а из той де ямы исходит дух смрадной... тот де дух таков как железо горит»... «а платье тунгусского покроя, в маленьких круглах шапках, а говорят де те люди по-тунгусски». Они вели обмен с эвенками ...«приносят де тунгусы на их дороги... дятлево перье... а те де чулугдеи, пришед, то перье емлют без них тунгусов, а тем де тунгусам вместо того перья кладут на тож место стреляные всякие птицы разные и посуду своего дела»... Иногда чулугды вынимали зверей из ловушек эвенков.

Восточный вариант общего образа также рисует племя людоедов, по облику и образу жизни отличное от таежных охотников. Чулугды одноруки, одноноги, одноглазы. Стрелы не берут их, так как это «железные люди». Имя одного из героев — Сэллулэнде, буквально — «в железе человек». Они ездят на конях — «на коне человек летит», «коня привязал». Живут они «на нижней земле». Причиной столкновения их с эвенками обычно бывают женщины. Чулугды выкрадывает жену эвенка, эвенки освобождают ее, иногда он освобождает иноплеменку, на которой позже женится. Чулугды в восточных вариантах иногда называются *авахи* — словом, заимствованным из якутского (*абасы* — «чорт»). Близкий к этому образ в фольклоре охотских эвенков (ламутов) также иногда называется *аринка* — «чорт». Этот образ имеет аналогии и в якутском фольклоре. Внешность подземного противника якутского богатыря Эр Соготоха очень близка: он «с черною как столб ногою, из пупа растущею, с рукою из подложечки растущею, с дюжей черной шеей, с железными волосами, с глазом посреди лба»².

¹ Отписка енисейского воеводы князя Константина Осиповича Щербатова в Сибирский приказ о диких людях-чулугдеях. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1888, кн. 1 (144), раздел III, Материалы.

² Якутский фольклор. Ленинград, 1936, стр. 51.

Второй образ, сосуществующий с западным вариантом, несколько иной. Это женщина-людоедка, охотящаяся за человеческой печенью. Она имеет вид обычной женщины, хотя и «проглотила котел вместе с женщиной» (П. Тунгуска), «сразу проглотила женщину» (Н. Тунгуска). Живут чулугды семьями, но оленей у них нет. Женщина, попав к эвенкам, не умеет обращаться с оленем; «посадила ребенка спиной к голове оленя», «связала караван, привязав уздечки к хвостам оленей» (а не к пряжкам на седлах); кричит на оленей не по-эвенкийски. Чулугды мечтают стать женами эвенков: «одежду жены одела, детям сказала — я буду вам матерью». Предсмертные слова ее: «почему я захотела жить с эвенками, а не съела их печень». Эвенки обычно сразу или через некоторое время узнают, что имеют дело с людоедкой. Они устраивают большой костер, в который сталкивают чулугды, когда она старается достать из огня нарочно брошенный предмет. Столкнув, следят, чтобы лопнул ее глаз, так как, «если глаз не лопнет, она не может умереть. Все тело ее из железа, глаз такой же, как у человека».

Основой этого образа также является племя, женщины которого хотят стать женами эвенков. К наслоившемуся следует отнести образ охотницы за человеческой печенью и общую уязвимость с одним уязвимым местом — глазом.

Образ охотницы за печенью близок монголо-тюркской алмас ∞ алмус ∞ албасты (джестернак — у иранских народностей), он же близок к образу чудовища-людоеда ялмаус (узбеки), джамаус (киргизы), челбеген ∞ джелбеген ∞ елбеген (алтайские тюрки), шулмус (монголы)¹.

Во всех случаях имеется общий корень *шул||чел||джел>ел*, который в скрещении с другим словом *мус* стал выражать общее представление злой, вредной для человека силы. Отсутствие этого образа в фольклоре восточных эвенков позволяет считать его пришедшим с юга и наслоившимся на рассказы о людоедах *чул*. Вместе с этим сюжетом с юга пришел и сюжет об одном уязвимом месте — глазе. В южных вариантах, широко распространенных в фольклоре очень многих народов Евразии, мы имеем образ людоеда-великана, циклопа, тоже неуязвимого. В тайге этот образ наслоился на образ людоеда.

Наличие такого представления у эвенков к западу от Лены дало возможность шаманам усилить его, ввести в свою космогонию и поселить его вместе с другими враждебными силами в свой шаманский мир.

Полную аналогию второму образу чулугды мы имеем в фольклоре юкагиров. *Чуолэджи*, попав к юкагиру, кормит ребенка не

¹ Г. Н. Потанин. Восточные легенды в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 751—752.

по-юкагирски и приготавливает дичь не по-юкагирски. Юкагиры, как и эвенки, сжигают ее на костре¹. Этот факт можно было бы объяснять как заимствование из тунгусского, но слово *чуолэджи* («сказочный», «сказки») заставляет более внимательно присмотреться к нему. Чуолэджи в значении «сказка» употребляется только в нижнеиндигирском диалекте, а в верхнеиндигирском «сказка» — *корвал*; в первом же диалекте слово *чуолэ* в переводе Иохельсона обозначает «древний», и наряду с этим есть слово *джиэци* — «человек». Этот факт и все вышеуказанное наталкивают на иной перевод — не «сказка» и «сказочный», а «чуолэ человек», т. е. «древний человек». Несомненно, что чул было племенем, населявшим север Азии в древние времена, — об этом говорит в указанной работе и Иохельсон. Оно было связано и с древними тунгусами, и с юкагирами, и на западе — с селькупамиями. Тазовские селькупы называют себя *с'олкуп* — «таежный человек» или *сэлкуп* — «земляной человек», синоним последнего — *чулкуп*.

«Оба варианта самоназвания тазовских селькупов восходят к одному прототипу; остается сделать выбор — взять ли за исходное *So* «земля» или *sot* «тайга», — пишет Прокофьев, который в процессе анализа этого слова приходит к первому значению... «и своим названием «люди земли» селькупы обязаны не кому иному, как древним насельникам... Происшедши от сокращения «людей земли» (не «самоедского» начала) и «людей тайги» («самоедского» начала), селькупы составляли некое единое целое².

Во второй половине XVII в. остяки и селькупы (нарымские и кетские) имели общее самоназвание *чугулы* (*чу* — «земля», *гул* || *кул* — «человек») = «люди земли». По свидетельству документов XVII в. «... жилище их начинается от Иртыша и до устья р. Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Обе на низ до Березова и до Окиянского моря и вверх по Обе реке до Томского города, а также и по Кете до вершины... однако же языки у них разные»³.

Корень чул входит в ряд топонимов системы р. Оби (р. Чулым, плес Чулимкин). На плесе же Чулимкин были в XVII в. и юрты Чулимкины.

Чул ∞ *сёл* ∞ *сел*, несомненно, было названием древнейшего населения, но не только системы р. Оби, а большой группы племен, расселенных на восток от Оби и Енисея и на юг —

¹ В. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. Ч. I, СПб., 1900, стр. 47—48.

² Г. Н. Прокофьев. Селькупская грамматика. Ленинград, 1935, стр. 10—15.

³ Путешествие русского посланника Н. Спафария через Сибирь в 1675 г. Записки РГО по отделению этнографии, т. X, в. 1, 1882, стр. 84.

в районе Алтае-Саянского нагорья. Чулмусы из эпоса алтайцев — жители «нижнего мира». Они имеют своих героев, смерть которых оплакивает весь народ¹.

Во всех случаях они связаны с подземным миром — жизнью в земле. В период железа потомки этого племени, носящие уже имя чулугды, были расселены на восток до Байкала. Вероятно, представители этого же племени оставили память и в бурятском фольклоре: чулуд — народ, с которым буряты имели связи. Допустимо, что отдельные группы их стали скотоводами.

Слухи о людях, живущих под землею, по предположению Д. Н. Анучина, доходили до русских еще в XI в. (рассказ Гюргяты Роговича о зауральских народах), а в XIII в. рассказ о них приводится в новгородском сказании: «Вверх тояж реки великия Оби ес люди. Ходят они по под землею... иною рекою день да ночь с огни... выходят на озеро». Д. Н. Анучин этот рассказ связывает с чудью, которая пролагала на Алтае под землею свои копи для добывания медной руды (оз. Колыванское в 30 верстах к северо-северо-востоку от Змеиногорска)².

Появление техники добывания металла на территории Забайкалья Сосновский относит к VII—IV векам до н. э. — к карасукскому периоду (бронза)³.

Происхождение образа половинчатых людей вскрывается из енисейского варианта. Вполне возможно, что примитивность добывания металла из руды в земляных ямах и в штольнях приводила к тому, что чернота половины тела и головы производила впечатление половинчатого человека. На востоке (Приамурье) этот образ мог поддерживаться и впечатлением от необычного вида всадников, одетых в латы и малоподвижных на земле. Во всяком случае эвенкийские рассказы о чулугды в свете незначительных данных, приведенных выше, говорят о древних североазиатских племенах *чул*, позже называвшихся *чулугды*, которые в течение многих веков имели не только тесные связи с древними тунгусами, но отдельные группы их входили в состав этих тунгусов.

Наряду с племенами, память о которых сохранилась в фольклоре всех эвенков, могут быть отмечены племена, с которыми имели связи определенные группы древних тунгусов. Так, в фольклоре эвенков — потомков древних приангарско-прибайкальских тунгусов, ныне живущих в системе Подкаменной Тунгуски,

¹ Н. Я. Никифоров. Аносский сборник. Записки Западносибирского отделения РГО, XXXVII, 1915, стр. 120, 165, 210, 216.

² Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Древнее русское сказание о человецех незнаемых в восточной стране». «Древности», т. XIV, 1890, стр. 10, 11, 77, 84, 85.

³ Г. П. Сосновский. Ранние кочевники Забайкалья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», VIII, 1940, стр. 36—42.

в Качугском районе и в районах Бурят-Монголии, прослеживаются племена *манги* и *кур*. В фольклоре амурских и охотско-сахалинских эвенков прослеживаются племена кимо, торганмучун.

Племя *манги*. Тема о манги отмечена в фольклоре эвенков между Енисеем и Леной. Подобно теме о чулугды, тема о манги выступает в двух сосуществующих вариантах. Общее в обоих образах — каннибализм и величина манги. Первый образ дает племя людоедов — манги, которые живут около Ламы (Байкала), с которыми эвенки имеют тесные связи: «сестра вышла замуж за богатыря чулугды — манги». Чаще всего манги уводит жен эвенков во время отсутствия мужей. Манги тоже охотятся: «увидел человека, преследующего зверя»; «большое звено зажарил на вертеле, стал есть, как бы спуская мясо за пазуху»; «огромный след в землю ушел» (П. Тунгуска). Иногда манги нападают на эвенков тайком, тогда последние прибегают к хитрости: «пожар напустил», «туман напустил» (верховья Лены). В одном из вариантов группа эвенков-людоедов названа «манги». У этих же эвенков (потомков ангарско-прибайкальских) словом *манги* называют медведя (Н. Тунгуска — Катанский, Северо-Байкальский, Баунтский районы), мифическое существо — дух предков (род Кучал — П. Тунгуска); у последних же манги — благожелательный дух. Эти же эвенки рассказывают о манги — великане-охотнике, который, попав на небо, гнался за небесной лосихой, убил ее, а лосенка загнал в отверстие, через которое тот упал на землю. Манги-охотник остался на небе. Поэтому Млечный путь называется «следом Манги» (Н. Тунгуска, Катанский район, верховья Лены), этим же словом называют и созвездие Волотис и Арктур (Сым, Хинган).

Второй вариант рисует манги как великана-людоеда, умеющего превращаться то в ребенка, то в птицу. Манги неуязвим: «тело его железное». Его убивают через рот, предложив ему ловить ртом стрелы, пущенные вверх. Падая вниз, стрела пронзает его насквозь. Противники же его стрелу ловят ртом, в который вложен металлический чехол. Широко распространена тема о манги и двух девушках. Манги, превратившись в ребенка, остается в чуме девушек, которые воспитывают его как брата. В их отсутствие появляется рыба. Девушки выслеживают, узнают, что ребенок — чудовище-манги. Растопляют олово и выливают его на мальчика или, передавая друг другу ребенка, роняют его в огонь.

После этого манги, став опять чудовищем, гонится за девушками, которые бросают вещи. Чудовище-людоед манги северобайкальскими эвенками воспринимается в значении «чорт».

Из других тунгусских языков слово манги отмечено в эвенкском значении «дух медведя», в ороческом — «дух-покровитель».

Шаманов», а у удэ манги называется антропоморфное изображение на желе защитника на родовом суде. В маньчжурском *мангису* называют тигров (— *су* имеет значение собирательности).

В тюркских и монгольских языках и фольклорах этноним *манги* широко распространен. И здесь он дает два образа: чудовище-людоед (монголы: *манггус*; халхасы: *мангаши*; якуты: *мангыс*) и *мангыты* — племя, с которым ведет борьбу Ак-Кюбек.

От половцев последний сюжет, по мнению Потанина¹, проник в Египет, откуда он попал в одну из арабских хроник. Мангусы вошли и в буддийскую космогонию. Они обитают на небольшом острове «видимого» мира Джамбутиба. В разговорном монгольском языке этим словом называют иностранцев.

Мангыты были в XIII в. реальным племенем и составляли одну из частей гвардии Чингиз-хана, хорошо вооруженную и храбрую в боях. В XVI в. мангытами называлась тюркская народность ногаи. Центром мангытов или ногаев была местность по нижнему течению Яика или Урала². Мангыты вошли в состав туркмен и каракалпаков. Среди туркменских родов они являются следом монгольского господства³. Группа узбекистанских мангышлау упоминается в связи с событиями, предшествовавшими монгольскому завоеванию⁴. Среди урянхайцев есть род мангысыр, происхождение которого, по сообщению Грумм-Гржимайло⁵, не выяснено.

Эти факты указывают на существование племени *манги* ~ *мангыт* ~ *мангыс* ~ *мангыш*. На каком языке оно говорило — определить трудно. Оно было во враждебных отношениях с тюркскими племенами, иначе не создался бы сюжет о борьбе Ак-Кюбека; для монголов мангыты были иностранцами-иноплеменниками. С древними тунгусами мангыты были во враждебных отношениях. Указание на хорошую вооруженность и воинственность мангытов — части гвардии Чингиз-хана — говорит о их высокой воинской технике и боевых качествах. С тунгусами они сталкивались в районе Байкала и к северу от Саян. Если в XIV в. мангыты были туркоязычным народом (ногаи), а отдельные группы их дали начало туркменскому и каракалпакскому родам, то за несколько веков раньше, возможно, одиночки и вошли в состав бывших приангарских тунгусов, иначе не было бы значения

¹ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы, стр. 667—672.

² В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 18.

³ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. Вестник древней истории, 1940, 3—4, стр. 201.

⁴ В. Мошкова. Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской обл. «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 242.

⁵ Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, в. 9, 1926, стр. 12—13.

«дух-предок». Возможно, их воинственность и дала начало рассказам о великанах, эти рассказы скрестились с рассказами о чудовищах, проникшими к эвенкам от монголоязычных соседей.

Древние связи эвенков с тюркоязычными и монголоязычными соседями подтверждаются и данными языка.

Фольклорные материалы указывают на аналогичные связи древних прибайкальских тунгусов с тюркоязычным племенем *куры*, на связи древних тунгусов с племенем *кимо*, жившим на востоке у моря¹.

Сравнение сюжетов, распространенных у всех эвенков или у отдельных групп их, с привлечением исторических и этнографических источников, дает возможность наметить древнейшие племена, входившие в состав эвенков, что объясняет иноязычные элементы как в их языке, так и в культуре. В ряде случаев это дает новые материалы и для истории других народностей.

¹ Г. М. Василевич. Древнейшие этнонимы Азии и название эвенкийских родов. «Советская этнография». 1946, № 4.

840861

